

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

К. С. Губа, М. М. Соколов, Н. А. Соколова

Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 гг.¹

Изменил ли новый институциональный трафарет академическое поведение?

ГУБА Катерина Сергеевна — кандидат социологических наук, директор Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1а.

Email: kguba@eu.spb.ru

В статье вводится понятие «институциональный трафарет», определяемый как легитимный образец, к которому добавлены формальные инструменты оценки, позволяющие зафиксировать степень соответствия индивидов или организаций идеалу. Институциональные трафареты являются основной формой распространения «принудительного изоморфизма» в современном академическом мире. Хотя трафареты часто находят выражение в количественных метриках, это не является их обязательным атрибутом. В статье мы обращаемся к институциональному трафарету, регулирующему присуждение учёных степеней в России, как к примеру преимущественно неквантифицированного трафарета. Анализируется эволюция трафарета в постсоветский период и показывается, что новые правила вводились для того, чтобы затруднить имитацию защиты. Мы также рассматриваем последствия изменения трафарета для диссертационной индустрии: действительно ли внедрение этого трафарета позволило достичь поставленных целей? В анализе мы опирались на официальные документы, регулирующие процесс защиты; была также собрана дезагрегированная статистика о динамике защит по организациям и областям наук (источники — статистика ВАК (Высшая аттестационная комиссия), библиографический указатель авторефератов диссертаций, авторефераты с сайта ВАК). Анализ показал, что трафарет позволил сократить количество защит примерно вдвое, однако, вопреки ожиданиям его создателей, сокращения распределялись примерно поровну между социальными (по общему мнению, поставляющими большинство слабых работ) и естественными науками (более сильными). Не произошло концентрации защит в ведущих исследовательских центрах, также как и не возросла диссертационная миграция в эти центры. Нет оснований считать, таким образом, что трафарет смог отсеять более слабых производителей. Опираясь на результаты интервью, мы предполагаем: это стало следствием того, что представления об идеальной практике, заложенные в трафарете, не учитывали локальных особенностей дисциплин и фактически создавали, возможно, большие трудности для прохождения сквозь него для высокоуровневых учёных.

Ключевые слова: учёные степени в России; формальные механизмы оценки; институциональные трафареты; институционализм; социология науки; социология оценки.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РАНХиГС, номер госрегистрации — АААА-А18-118042590111-9. Руководитель проекта — К. С. Губа.

СОКОЛОВ Михаил Михайлович — кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1а.

Email: msokolov@eu.spb.ru

СОКОЛОВА Надежда Александровна — младший научный сотрудник Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: Россия, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1а.

Email: nsokolova@eu.spb.ru

Теория: институциональные трафареты

Учёные (и не только они) во всём мире сталкиваются сегодня с попытками повысить производительность и качество своей работы с помощью всевозможных формальных механизмов оценки [Trow 1996; Auranen, Niemen 2010; Hicks 2012; Rijcke et al. 2016]. Причины повсеместного обращения к этим правилам стали предметом многочисленных дискуссий в последние годы. В качестве возможных виновников рассматривались общее наступление дисциплинарной цивилизации [Wright, Shore 1999], распространение «культуры аудита» [Power 1997] и потеря легитимности инстанциями, принимающими решения о распределении ресурсов, что предположительно и заставляет их обращаться к средствам демонстрации своей беспристрастности и объективности [Porter 1996]².

Каковы бы ни были причины их распространения, сами системы подобных правил демонстрируют значительное единообразие. Все они опираются на универсальные, безличные и, предположительно, недвусмысленные правила. Эти правила позволяют отличить более заслуженного агента от менее заслуженного (например, использование индекса Хирша для оценки индивида, числа нобелевских лауреатов для университета), а процедуру, в большей степени соответствующую стандартам «лучших практик», от той, которая соответствует им в меньшей степени (например, двойное слепое рецензирование для журнала). В центре каждого из подобных наборов правил лежит идеализированный образ представителя какого-то класса академических агентов (отдельный профессор, университет, журнал), его мотивов и практик. Эти образцовые представители могут быть с той или иной степенью правдоподобия срисованы с реальных индивидов или учреждений либо опираться на некоторые умозрительные соображения (например, на идею о том, что, поскольку фирма является идеальной организацией, образцовый университет должен быть похож на фирму³).

Интерес к подобным легитимным образцам и к динамике, которую подражание им придаёт организационным полям, был центральным для социологического неинституционализма [Meyer, Rowan 1977; Powell, DiMaggio 1991; Scott, Meyer 1994]. Мы предлагаем здесь ввести специальное обозначение — «институциональный трафарет» — для тех образцов, которые дополняются набором продуманных маркеров или индикаторов, нужных чтобы точно определить степень соответствия конкретного инди-

² В других работах мы рассматривали требования к правилам подобной формальной оценки; см.: [Соколов et al. 2015; Соколов 2020; Sokolov forthcoming]. Например, одним из таких требований является то, что следование правилам должно оставлять материальные следы, открытые для последующей инспекции (inspectability) [Porter 1996], а это предположительно будет сдерживать тех, кто их непосредственно применяет, от соблазна нарушения.

³ Неoliberalism в политике высшего образования как раз можно описать как идеологию, видящую успешную фирму образцом для любой организации. Другие академические идеологии могут определять идеальный университет как античный полис или как локальное сообщество [Birnbauм 2004]. Естественно, речь всегда идёт лишь о весьма абстрактных и идеализированных фирмах, полисах или сообществах.

вида или организации идеалу. Специфика трафаретов состоит в том, что несоответствие заложенному в них образцу может быть доказано, а не просто распознано. Можно предположить, что в современных обществах появление трафаретов неизбежно сопутствует принудительному изоморфизму [Димаджио, Пауэлл 2010]. Легитимный образец, говорят П. Димаджио и У. Пауэлл, может распространяться тремя путями: (1) добровольно копироваться теми, кто хотел бы завоевать доверие и благосклонность потенциальной аудитории (имитативный изоморфизм); (2) применяться профессионалами, которые действуют в каждой новой ситуации по знакомому им шаблону (профессиональный изоморфизм); (3) насаждаться государством (принудительный изоморфизм). В этом последнем случае, однако, встаёт вопрос о том, на каком основании государственные чиновники могут принять решение о чьей-то легитимности. Бюрократические органы, карающие за несоответствие легитимному образцу, сами нуждаются в легитимации своих решений [Соколов 2020]. Формальные, безличные правила, которые в трафарете прилагаются к легитимному образцу, как раз и создают возможность для таковой.

Рассмотрим процесс рождения подобных правил на знакомом всем вероятным читателям примере. Образцовый учёный внимательно следит за работой коллег в своей области, проводит исследования, делится их результатами со специалистами и встречает интерес с их стороны. Наличие всех этих желательных качеств в конкретном профессоре, однако, весьма неопределённая величина. Она может проявляться в многозначительных эпизодах, например — в количестве слушателей, специально пришедших на чей-то доклад на конференции, продолжительности аплодисментов, числе заданных вопросов⁴. Очевидные для непосредственных наблюдателей, эти маркеры успеха или неуспеха не годятся для того, чтобы обосновывать ими принятие административных решений. Как реакция на это возникает институциональный трафарет, состоящий из операционализации всех желаемых свойств; например, слежение за своим полем превращается в свидетельство о повышении квалификации, стремление поделиться своими результатами с другими — в посещение общероссийских и международных конференций и наличие публикаций, интерес коллег — в цитирование. Аналогично — в случае с организацией — создание трафарета предполагает поиск маркеров, характеризующих «лучшие практики»; например, двойное слепое рецензирование для журнала. Часто трафареты приобретают форму набора количественных показателей. Это происходит в силу ощущаемой однозначности математических операций и видимости того, что цифры позволяют свести комплексную реальность к одному простому, допускающему сравнения показателю [Porter 1996; Espeland, Sauder 2007; Espeland, Stevens 2008; Esposito, Stark 2019]. Однако, несмотря на триумфальное шествие квантификации, наравне с имеющимися количественные выражения трафаретами продолжают существовать трафареты, для которых квантификация не предусматривается и заменяется чисто процедурными требованиями. В этой статье мы рассмотрим один из таких трафаретов.

Производимая при формировании институционального трафарета работа во многом аналогична работе социолога по операционализации исследовательских категорий, задающих недвусмысленные правила отнесения объекта к одной из групп. Фактически во многих случаях то, что возникает как исследовательские операционализации, потом превращается в институциональные трафареты. Примером могут быть индексы цитирования: исходно они были созданы для облегчения поиска литературы, но уже вскоре Юджин Гарфилд и его коллеги заметили, что большое число цитат маркирует ключевые тексты, сыгравшие поворотную роль в развитии некоей области знания [Garfield, Sher, Torpie 1964]. Из этого был сделан вывод, что числом цитирований можно измерить (в исследовательских целях) влияние учёного [Wouters 1999]. На следующем этапе показатели цитирования приобрели управленческое значение. Задача создать недвусмысленную метрику научных заслуг, стоявшая перед администраторами, была во многом аналогична стоявшей перед социологами науки, что и обусловило возможности миграции приёма в новую сферу социальной жизни. В результате этой миграции то, что возникло как

⁴ Примеры взяты из интервью по проекту, посвящённого академическому статусу: см. подробнее: [Соколов et al. 2015].

исследовательские операционализации, превратилось в нормативы, определяющие обязательные требования к занимающим какую-либо позицию или претендующим на какое-либо вознаграждение.

Управление, основанное на институциональных трафаретах, осуществляется в надежде на то, что недостойные представители своего рода или будут отсеяны этим ситом, или, стремясь пройти сквозь него, постепенно станут достойными⁵. Внедряющие институциональные трафареты не слепы к тому, что появление трафаретов может обернуться имитацией, и фактически это обычно и происходит на следующей фазе жизненного цикла. Свидетельство о повышении квалификации на самом деле может быть липовым, «конференция» — пройти на круизном лайнере, а цитирование — быть купленным или обменённым на другие цитирования. Однако в теории трафарет способен быть устроен так продуманно, что ему легче соответствовать на самом деле, чем соответствовать имитировать. Есть надежда, что по достижении некоей критической массы продуманности, играть по-честному будет менее трудоёмко, чем притворяться. Кроме того, есть надежда и на то что часть людей, не соответствующих идеалам, отклоняется от них не по злему умыслу, а по невежеству, а когда им покажут, на что нужно походить «настоящим учёным», они уютно разместятся в предлагаемом шаблоне. В глазах изобретателей и пользователей трафарета угроза его имитации присутствует всегда. Реакцией на эту угрозу становится введение всё более и более изощённых разновидностей трафарета.

Угроза имитации, таким образом, часто является основной силой, стоящей за развитием и усложнением трафарета. В этом усложнении присутствуют, однако, два вида рисков. Во-первых, авторы трафарета могут не уследить за появлением особенно изощённых способов обмана, или их фантазия откажет, и они не смогут придумать, как обман можно предотвратить. Например, можно ввести правило, запрещающее копирование чужого текста в свою диссертацию, однако сложно ввести формальное правило, запрещающее пересказывать чужой текст своими словами, хотя такая работа вряд ли укладывается в представление о написании оригинального текста (тем не менее по мере развития методов, позволяющих идентифицировать парафраз, появление такого запрета более не выглядит заведомо невозможным; см.: [Kutuzov et al. 2019]). Во-вторых, есть риск, что узкое место в трафарете окажется не там, где предполагается, и фактически он задержит прохождение сквозь него тех, кого изобретатели шаблона хотели бы видеть среди остепенённых, при этом недостаточно затруднив жизнь тем, кого предполагалось оставить без степени.

В данной статье мы рассмотрим развитие правил, регулирующих присуждение учёных степеней в России, как случай эволюции институционального трафарета и, в частности, попробуем показать, как новые элементы трафарета вводились специально для того, чтобы затруднить известные способы имитации соответствия старым элементам. Стимулы к имитации во многом проистекают из того, что защита диссертации является одним из кульминационных моментов индивидуальной научной биографии, открывая индивиду дорожку к следующей ступени карьерной лестницы (так, степень кандидата открывает путь к должности доцента или старшего научного сотрудника). Соответствие между степенью и должностью, в свою очередь, возникло как элемент другого трафарета, который должен был гарантировать, что академические организации будут стремиться привлекать квалифицированные кадры. К несчастью, эта связка неизбежно побуждала недостойных претендентов прилагать все силы, чтобы обзавестись степенью, на которую у них в действительности не было прав. Девальвацию степеней можно считать частным случаем гонки брони и снаряда, при которой реакцией на имитацию становится появление новых поколений трафаретов. Имитация стала катализатором, стимулировавшим возникновение все новых и новых правил, регулирующих теперь уже саму диссертационную индустрию как организованное производство новых членов академического цеха.

⁵ Образ, который стоит у нас перед глазами, когда мы это пишем, — люди, которых для развлечения публики ведущие телешоу заставляют втиснуться в фанерный трафарет; см. пример здесь: <https://youtu.be/Wdfs3onbPQ4?t=246>

Далее мы рассмотрим особенности институционального трафарета, определяющего правила присвоения степеней, и попробуем реконструировать соображения, которыми его создатели руководствовались. Используем при этом анализ правовых документов, регулировавших эту практику, а прежде всего сменявшихся редакций «Положения о порядке присуждения учёных степеней и присвоения учёных званий» и «Положения об учёном совете» (полный список документов см. в приложении 2). Затем обратимся к статистике, чтобы оценить, насколько внедрение этого трафарета позволило достичь поставленных целей, и к материалам интервью с членами и секретарями учёных советов, чтобы высказать несколько гипотез о причинах несоответствий между желаемым результатом и фактически достигнутым.

Присуждение степеней: эволюция институционального трафарета

Мы предлагаем думать о защитах диссертаций как об *индустрии сертификации*, в которой товаром является поручительство за получателя сертификата со стороны выпускающего его агента [Klein 1997]⁶. Сертификация может быть интегрирована с функцией подготовки сертифицируемых кадров или отделена от неё. Относительно американских аспирантур сложно представить себе ситуацию, при которой индивид посещает аспирантскую программу в одном университете, а степень получает в другом, хотя в России это довольно частый случай. Доверие к результатам сертификации может строиться на том, какую подготовку получили кадры перед событием защиты, а может быть основано на том, как организовано это событие, то есть само присуждение степени. Российский случай показывает, что регулятор не делал значительных попыток вмешиваться в процедуру подготовки диссертации (что в любом случае было бы непросто сделать). Основной упор был сделан на процедуре присуждения степени.

На первый взгляд организация присуждения степеней не претерпела радикальных изменений вплоть до 2017 г., когда ряд университетов получил право присваивать собственные степени. При наличии диссертации и автореферата, опубликованных статей и положительной экспертизы можно готовиться к защите, предварительно собрав стопку различных документов. На защите соберётся совет, который заслушает доклад, задаст несколько вопросов и проголосует «за» или «против». Однако данное сходство поверхностно, и в нём обнаруживается множество нюансов. В конце 1990-х гг. защита диссертации не требовала больших усилий. Для кандидатской, помимо самой рукописи, нужно было сдать три экзамена и опубликовать результаты исследования в научном издании (годились и тезисы конференции). Диссертация могла представлять собой опубликованную монографию или учебник. Никак не регулировалось ни количество необходимых для защиты публикаций, ни журналы, в которых эти публикации должны были появиться. Фактически кандидатом наук мог стать человек, написавший (или скопировавший, поскольку «Антиплагиат» и «Диссернет» тогда ещё не вышли на тропу войны) 150 страниц какого-то текста и опубликовавший заметку в одном из университетских «Вестников». С 2000-х гг. эта простая схема начинает обрастать поправками, уточнениями и усложнениями, что хорошо заметно по увеличению объёмов основных регулирующих защиты документов. Объём текста «Положения о порядке присуждения учёных степеней» между 1994 и 2016 гг. увеличивается почти в три раза; появляются отдельные документы, регулирующие перечень ваковских журналов, работу диссертационных советов и экспертных комиссий⁷.

⁶ Диссертационная индустрия как разновидность индустрии сертификации не совсем обычна, поскольку неочевидно, кто является потребителем услуг — тот, кто получает характеристику, или тот, кто в дальнейшем ориентируется на неё (например, наниматель). Изучение подобных рынков показывает, что платить за услуги может как характеризуемый (например, в случае аудита), так и тот, кто пользуется этой характеристикой (как в случае масс-медиа, публикующих рейтинги, за которые платят зрители или читатели [Klein 1997]).

⁷ См. список документов в разных редакциях в приложении 2.

Изменения можно разделить на те, которые касались организаций и диссертационных советов, и те, которые затрагивали диссертантов (упорядоченный список изменений см. в приложении 1), причём, судя по количеству изменений можно сказать, что основная ставка делалась на усиление контроля первых. По плану авторов реформ, повышение требований к организациям, открывающим диссертационные советы, и к самим этим советам должно было привести к снижению их количества в слабых университетах и институтах. Механизм прост: новые требования должны были стать запредельно высокими для тех организаций, где научная работа периферийна. Подтверждение можно найти в интервью В. Филиппова, в тот момент главы ВАК: «Будем вдвое сокращать количество диссертационных советов (сейчас их где-то 3300). Для начала мы строже подойдём к отбору организаций, в которых эти диссоветы могут быть созданы. Скажем, можно оставить диссоветы только на базе ведущих университетов и академических учреждений. Или, например, один диссовет на базе трёх организаций — уже блага будет меньше. Труднее им будет договориться между собой. А сейчас у нас в каждой организации, на каждой выпускающей кафедре свой диссовет» [Филиппов 2013b].

Какие именно правила были введены? В документах стало прописываться требование собирать подробные сведения об организации, при которой открывается диссовет. В соответствующем положении о диссертационном совете (1994 г.) есть только запись о том, что советы создаются в организациях, широко известных своими достижениями в соответствующей отрасли знаний. В документах 2014 г. уже требуется сообщать о достижениях в той области, в которой открывался совет: подготовленные кадры, научные исследования, количество публикаций. Наконец, в 2017 г. добавляются число цитирований публикаций членов совета в международных базах данных и количество статей в рецензируемых научных изданиях. В идеале советы должны были остаться только в ведущих организациях; соответственно, при открытии советов нужны доказательства, что в организации действительно занимаются наукой.

Сокращению количества действующих советов должны были способствовать изменения требований, во-первых, к количеству докторов на совет, во-вторых, к количеству советов, в которые может входить доктор, и, в-третьих, к научным достижениям членов советов. Уменьшилось количество специальностей на один диссовет: с 2011 г. совет может проводить защиты не более чем по трём специальностям, тогда как раньше можно было по пяти. Одновременно увеличивается количество докторов наук на специальность: с 2007 г. не менее семи докторов наук, в том числе не менее пяти докторов должны иметь основным местом работы организацию, при которой создаётся совет. С 2000 г. появляется пункт о том, какой процент состава диссовета должен работать в организации (в 2017 г. — 50%). Уточняется, что доктор наук может представлять только одну специальность. В 2011–2014 гг. одному человеку разрешалось быть членом не более четырёх советов, с 2014 г. — не более двух. Первые лица открыто рассказывали, на какие последствия они рассчитывают: «Сейчас доктор наук может быть членом не более четырёх диссоветов. Заменяем четыре на два, и сразу закроются сотни диссоветов, проблема решена⁸. Однако предлагается идти не только этим арифметическим, но и качественным путём — введением новых, более высоких научных требований к самим членам диссоветов, к тем организациям, которые претендуют на их открытие» [Филиппов 2013b].

Планомерно повышалось минимальное количество докторов наук на совет. В 1994 г. рекомендованное количество членов — как правило, не менее 12 человек; в 2007 г. — уже не менее 17 человек; с 2014 г. — не менее 19 человек. Отдельно стало формулироваться, что члены совета должны, помимо наличия докторской степени, иметь заметные текущие научные достижения, которые оценивались по формальным критериям, то есть начали регулярно собирать данные о публикациях и цитируемости членов совета, в том числе о наличии свежей опубликованной монографии. Для сравнения: в 1994 г.

⁸ Отметим это отождествление наличия большого числа советов с «проблемой».

при заполнении сведений о членах совета было достаточно краткой информации — ФИО, место работы, год рождения, специальность степени, 1–3 библиографические ссылки на работы члена совета, подтверждающие его квалификацию по специальности.

Что касается ограничений для диссертантов, то прежде всего нужно указать на увеличение числа статей. В Положении 1994 г. есть только неопределённая запись о том, что результаты диссертации должны быть опубликованы в научных изданиях, однако, никак не обозначается ни их количество, ни набор журналов. При этом к публикациям приравнивались не только статьи, но и другие продукты научной деятельности — от патентов до препринтов и тезисов докладов. В 2002 г. упоминается, что результаты должны быть опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, без уточнения, однако, что считается рецензируемыми изданиями. В 2006 г. появляется указание на количество необходимых публикаций: одна статья для кандидатской диссертации; для докторской работы количество не указано. Однако, помимо статей в журналах, публикациями всё ещё считаются иные типы текстов (они включены в длинный список). В 2013 г. увеличивается количество необходимых публикаций: для защиты докторской диссертации в социально-гуманитарных науках не менее 15 (в остальных не менее 10 работ); для защиты кандидатских диссертаций — три и две соответственно. Список других видов публикаций сократился, из него исчезли доклады на конференциях и препринты.

Увеличение публикаций для социально-гуманитарных наук заслуживает отдельного комментария, поскольку противоречит как общему принципу универсализма формальных правил, так и содержательным соображениям. Наукометрические исследования (см.: [Hicks 2004; Nederhof 2006]) показывают значительную разницу в публикационных паттернах естественных и социальных наук: количественно естественники публикуют больше, чем обществоведы. Казалось бы, более высокие публикационные требования должны, скорее, предъявляться в естественных науках, однако в российском случае больше статей должно публиковаться по итогам социально-гуманитарных исследований. Такая дискриминация объясняется тем, что авторы реформ подозревали гуманитариев в недобросовестности и предполагали, что правила должны быть направлены на то, чтобы возвести перед ними особенно высокие барьеры. «В диссертациях по математическим дисциплинам всё чисто. Математика, физика, химия — там трудно что-то подделать. А вот экономика, юриспруденция, социология — те области, куда рванули бизнес и чиновничество, — там беда. Они же не в точные науки идут, не по ним диссертации покупают» [Филиппов 2013с]; «И, как бывший зампред ВАКа по физматнаукам, естественным наукам, техническим наукам, я могу сказать, что нельзя мазать грязью всю систему аттестации. У нас очень хорошие диссертации по математике, физике, химии, по техническим наукам, по оборонке есть очень хорошие работы и т. д. Да, у нас есть проблемы в гуманитарной сфере. Экономика, юриспруденция, педагогика, чуть-чуть здравоохранение. Вот там и надо решать эти проблемы» [Филиппов 2013а].

Следующим элементом системы ограничений стали требования, предъявляемые к журналам. Редакции ваковских журналов должны предоставить данные о количестве публикаций у рецензентов и членов редколлегии, указать число академиков, членов-корреспондентов, докторов наук, кандидатов наук, а также сообщить наукометрические показатели журнала. По Положению 2015 г. определяется, что в состав редакционной коллегии и (или) редакционного совета должны входить не менее восьми специалистов — кандидатов наук или докторов. Появляется требование хранить рецензии, а рецензент должен иметь публикации за последние три года. Всё это должно было повысить издержки для слабых учёных — нормальным учёным не сложно опубликовать три статьи вместо одной, а карьерно-ориентированным или «залётным» кандидатам это будет стоить времени и денег.

В появлении формальных требований к журналам хорошо видно, что идеи новых элементов трафарета часто возникают из наблюдений за стихийно складывающимися паттернами поведения учёных. По мере того, как науки становились всё более специализированными, редакторы журналов всё чаще чув-

ствовали, что не могут сами оценить присланный им текст. Тогда они обращались к кому-то из коллег, обещая, разумеется, что рецензируемые никогда не узнают, что они посоветуют редактору, и не смогут затаить обиду, если их статью отвергнут. В то же время, получив не просто «да» или «нет», а более развернутые комментарии по поводу работы, редакторы закономерно приходили к мысли, что они могут передать пожелания рецензентов авторам и доработать статьи в соответствии с ними. Система рецензирования, следовательно, естественным образом развилась из практики редакторов, озабоченных качеством публикуемых ими статей. Её превращение в институциональный трафарет произошло тогда, когда внутренняя кухня редакции стала нормативным требованием [Abbott 1999]. В рамках трафарета были разработаны формальные маркеры, свидетельствующие, что редакция в действительности следует лучшим практикам, таким как письменные рецензии.

Помимо этих изменений появляются ограничения в отношении других участников защиты — оппонентов и ведущей организации. В 1994 г. вводятся требования к оппоненту, направленные на то, чтобы предотвратить участие в защите людей, слишком тесно связанных с соискателем (руководители или подчинённые). Для ведущих организаций есть только расплывчатая формулировка, что эти организации должны быть широко известны своими достижениями в соответствующей отрасли науки или народного хозяйства. В 2013 г. уточняется, что оппоненты должны иметь публикации в соответствующей сфере, но не совместные с диссертантом. Также в 2013 г. появляется ограничение для ведущей организации — ими не могут быть организации, где работают соискатель учёной степени и научные руководители, а также организации, где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем.

Запланированные и незапланированные эффекты

Анализ регулирующей рамки показывает, что профильное министерство и иные органы, стоящие за попытками реформировать диссертационную индустрию, стремились главным образом регулировать состав её участников и особенно отношения между ними. Ограничения оставляют законными участниками процедуры присвоения степени только тех, кто соответствует характеристикам образцового академического агента — активно публикующиеся учёные, практикующие слепое рецензирование журналы, крупные научные центры. Трафарет также исключает тех, кто был слишком связан с диссертантом и мог вступить с ним в какое-то подобие сговора. Мы можем представить себе, какие картины представляли перед мысленным взором авторов этих реформ: научный руководитель вместе с диссертантом, чей текст стыдно показывать посторонним, найдут лояльных оппонентов из давних знакомых, которые не откажут в дружеской услуге и напишут положительный отзыв. Соискателю помогут организовать публикацию статьи в карманном университетском издании, где, не читая, печатают всё, принесённое авторами из этого университета (или в хищническом издании, согласном за деньги опубликовать что угодно). После этого диссертант без особых затруднений пройдёт через «плюшевый» совет, значительную часть которого составляют друзья руководителя, знающие к тому же самого кандидата и готовые поддержать его продвижение⁹.

Введение новых институциональных трафаретов должно было предотвратить реализацию этого сценария. Можно представить себе, что в уме создателей трафаретов существовал образ идеальной защиты, при которой главным мотивом диссертанта и руководителя является привлечение внимания ведущих специалистов к работе молодого учёного. Они стремятся заполучить людей с громкими именами в свой диссертационный комитет, поскольку, во-первых, те могут выступить в будущем покровителями

⁹ Большинство защищающихся во многих советах составляют сотрудники учреждения, при котором совет существует. Решение о присвоении им степени, соответственно, обычно переплетено с решением об их продвижении — например, из доцентов в профессоров. Это не всегда играет в пользу диссертанта, но в большинстве случаев непосредственный руководитель (часто также научный руководитель) будет поддерживать продвижение своего протеже.

диссертанта (написать рекомендацию, представить влиятельным коллегам), во-вторых, само присутствие таких людей гарантирует качество работы, особенно если известно, что они не являются друзьями и союзниками руководителя и, при прочих равных, настроены к тезисам диссертанта критически. Параллельно претендент на степень ездит по конференциям и стремится опубликоваться в самых разборчивых журналах с самой большой аудиторией, что гарантирует повсеместное узнавание его работ.

В такой идеальной ситуации нет ничего невероятного. Фактически, западноевропейские или американские интервью, которые авторы брали в рамках другого проекта (см.: [Соколов et al. 2015]), показывают, что руководители часто руководствуются подобной логикой. процитируем фрагмент одного из таких интервью:

В [моё] диссертационное жюри входил Бурдьё, который был руководителем диссертации, и он пригласил также Раймона Будона и Франсуа Буррико <...> Это были учёные, чьи позиции были совершенно несовместимы с нашими подходами <...> Но есть некоторые важные принципы в том, что касается состава жюри. Оно должно быть разнообразным. Члены жюри не должны принадлежать к одной школе. Если бы кто-то решил сформировать жюри из Бурдьё, Пассерона и Кастеля, это было бы абсурдно. Конечно, нельзя сказать, что они думают одно и то же, но в целом они принадлежат к одному направлению. Научный руководитель старается сделать «открытое» жюри, потому что, если этого нет, он дискредитирует кандидата. Например, у меня есть коллега X, у него такая репутация, что в диссертационном жюри всегда заседают люди, близкие к его лаборатории. Это совсем нехорошо для кандидата (профессор, Франция).

Авторы трафаретов, однако, подозревали (похоже, не без оснований), что в российских условиях такая логика подбора членов диссовета является чем-то диковинным. Действительно, вся эта конструкция держится на том, что диссертант планирует использовать степень в качестве инструмента саморекламы на рынке труда, ожидая, что потенциальные работодатели будут рассматривать состав его диссертационного комитета как рыночный сигнал [Spence 1973], свидетельствующий об академической силе или слабости претендента. Если (а) диссертант не планирует выходить на открытый рынок труда, а работодатели (b) всё равно безразличны к тому, хороший он учёный или нет, либо (c) не являются специалистами, способными оценить выбор конкретного оппонента или ведущей организации, вся эта логика окажется неработающей. К несчастью, все три перечисленные условия часто справедливы для России, где, во-первых, большинство получателей учёных степеней работают вузовскими преподавателями, от которых до недавнего времени не ожидалось больших научных достижений, во-вторых, получатели степени обычно не планируют сразу после защиты выходить на рынок труда, и, наконец, в-третьих, сообщества слишком фрагментированы, чтобы многие могли оценить выбор оппонентов.

Введение институциональных трафаретов в этом случае, как и в других, представляет собой попытку использовать формальные правила, чтобы силой государственного принуждения заставить агентов вести себя так, как их не побуждают действовать логика рынка или ожидания сообщества. То, что в одних условиях диссертанты и их руководители предпринимая по собственной инициативе, следуя имитативному изоморфизму, в других приходится вводить указами начальства в рамках уже принудительного изоморфизма.

Был ли успешным данный конкретный эксперимент по социальной инженерии, один из самых масштабных в новейшей российской академической истории? Мы не можем оценить изменения в качестве диссертационных работ¹⁰, но можем сказать, изменилась ли диссертационная индустрия в том

¹⁰ Один из рецензентов спросил авторов, что, по их мнению, произошло бы, если была бы использована пусть самая приблизительная метрика качества диссертаций, такая, например, как количество процитированных источников. В более ранней статье, в написании которой участвовали соавторы этой работы, описываются результаты подобного экспери-

направлении, которое авторы реформ, судя по их выступлениям, цитировавшимся выше, ожидали. Напомним, что они ожидали следующего:

- число *защит* и *советов* сократится;
- сокращения произойдут за счёт более слабых игроков, для которых вписаться в трафарет будет запретительно сложно. Инициаторы реформ неоднократно давали понять, что ожидают сокращений в социально-экономических и гуманитарных науках, которые как раз и являются такими игроками;
- число защит и советов сократится в слабых организациях, в то время как доля ведущих университетов и институтов РАН в диссертационной индустрии возрастёт. Должно произойти перенаправление потока защит из слабых, преимущественно региональных советов в сильные центральные организации. В целом *советы* будут локализованы в более сильных институциях, имеющих значительное число штатных докторов наук; можно предполагать, что они также в значительной степени будут сконцентрированы в столичных городах. Соответствующие изменения произойдут и в распределении *защит*: значимая их часть переместится в столицы и в ведущие академические организации. Соответственно возрастёт мобильность диссертантов, увеличатся потоки, перемещающиеся с периферии в крупные академические центры, и возрастёт число защит не в той организации, где была выполнена работа.

Ниже мы покажем, соответствовала ли реальность этим ожиданиям.

Статистические данные

В проекте использовались три источника статистики о количестве защищённых диссертаций. Первый источник — статическая таблица с сайта ВАК, в которой представлено количество защит по диссертационным советам отдельно по федеральным округам. Эти данные дают возможность восстановить область науки, по которой проходила защита диссертации. Таким образом, мы получаем точные сведения о количестве защищённых кандидатских и докторских диссертаций за 2013–2015 гг. Мы использовали эти данные для того, чтобы оценить потери в количестве защищённых диссертаций, извлечённых скриптами с сайта ВАК (см. подробнее третий источник данных). Такие потери были неизбежны в связи с тем, что не все диссертации остались на сайте ВАК.

Второй источник — «Летописи авторефератов диссертаций», то есть электронный библиографический указатель авторефератов диссертаций, который поддерживается Российской книжной палатой¹¹. Специфика этих данных даёт преимущества в сравнении с информацией с сайта ВАК: более подробная запись с именами авторов и названиями диссертаций и больший охват времени (записи доступны с 2005 г.). Предоставлена библиографическая запись о каждой диссертации, что даёт возможность

мента. Мы измеряли доли выявляемого алгоритмами программы «Антиплагиат» некорректно заимствованного текста докторских диссертаций, защищённых в 2006–2015 гг., то есть, попросту, долю, которая появилась благодаря использованию команд «Сору — Пасте» [Макеева et al. 2020]. Там мы показываем, что, несмотря на активность «Диссернета», начавшуюся в 2013 г., эта доля снизилась достаточно слабо, и лишь в последнем из охваченных исследованием 2015 г. Мы оговариваем там же, что видим в обнаруживаемых заимствованиях, скорее, результат действия альтернативных конвенций в отношении аутентичности текста, чем однозначное свидетельство интеллектуальной слабости.

¹¹ Приведём пример записи в указателе о диссертации: Исмаилов А. М. Русскоязычное книгоиздание в межэтническом взаимодействии государств Центральной Азии: (последнее десятилетие XX — начало XXI вв.): специальность 05.25.03 «Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение»: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук / Исмаилов Агамехти Мамед-оглы ; [Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО РАН]. — Казань, 2014. — 39 с. — Библиогр.: с. 37–39. — Место защиты : Казан. гос. ун-т культуры и искусств. — 120 экз. — [14-12341a].

извлечь данные в виде плоской таблицы со следующим набором переменных: автор, название диссертации, специальность, тип учёной степени, область науки, место выполнения диссертации, место защиты и год. Существует вероятность, что информация, которую содержит летопись, несколько избыточна, так как составители опираются на авторефераты, которые присылают в Книжную палату. Если диссертация была снята с защиты или совет вынес по ней отрицательное суждение, запись в летописях всё равно остаётся. Летопись использовалась как источник сведений о статистике защит. Кроме того, информация о месте защиты и месте выполнения диссертации позволила проследить паттерн географической укоренённости диссертаций за 10 лет.

Третий и самый обширный источник данных — записи о диссертациях, защищённых в 2006–2016 гг., извлечённые с сайта ВАК специальным скриптом (далее — База ВАК). Согласно Положению о порядке присуждения учёных степеней, с 2006 г. на сайте ВАК должны помещаться объявления о защитах докторских диссертаций, а с 2011 г. — о кандидатских защитах. Информация извлекалась с первых двух страниц автореферата, что позволило также собрать данные об оппонентах и ведущей организации (однако нужно учесть, что эта информация представлена с пропусками). Мы смогли проследить паттерн географической укоренённости защит на основе не только информации о месте защиты и месте выполнения диссертаций, как это было возможно сделать на основе данных «Летописи» Книжной палаты, но и информации о местоположении ведущей организации.

Как сопоставляются три источника данных? Все они с той или иной полнотой позволяют проследить динамику защит диссертаций, однако по разным учёным степеням и по разным периодам. Самая подробная информация представлена в Базе ВАК, так как она содержит данные об оппонентах и научном руководителе. Однако ограничение этой базы состоит в том, что она затрагивает период только с 2006 г. (скорее, даже с 2007 г., так как в данных за 2006 г. большая часть диссертаций отсутствует), а также содержит некоторое количество пропусков. «Летописи авторефератов диссертаций» Книжной палаты дают возможность получить статистику за 10-летний период, причём и для кандидатских, и для докторских диссертаций. Статистика ВАК лучше всего подходит для анализа популяции советов, поскольку позволяет без дополнительных усилий привязать совет к организации.

В своей работе мы также опирались на интервью с председателями, учёными секретарями и членами советов в разных организациях. Мы фокусировались в интервью на эффектах государственного регулирования присуждения учёных степеней, пытаясь понять, что изменилось в поведении учёных и в науке под воздействием борьбы за повышение их качества. Всего было собрано 20 интервью в 15 разных советах, в том числе советах при региональных университетах.

Результаты

Изменилась ли динамика защит по дисциплинам в сторону уменьшения защит в социально-гуманитарном блоке?

На рисунке 1 отображена динамика защит кандидатских и докторских диссертаций по избранным дисциплинам, начиная с 2005 г. Этот рисунок позволяет увидеть спады в количестве защит, которые, по всей видимости, связаны с изменением нормативной рамки, повышающей требования к диссертанту и работе диссовета. В 2000-х гг. замечен спад (2007, 2008 гг.), что можно объяснить эффектом «Положения о присуждении степеней» (2006 г.), которое ввело требование к публикациям соискателей и «списки ВАК». В 2007 г. в дополнение к этому было принято новое «Положение о совете», которое повысило требования к представленности докторов наук в советах. Спад затронул все дисциплины, однако в разной степени (см. таблицу 1, где приводятся проценты, указывающие на сжатие дисциплин в разные временные точки, которые связаны с обновлением регулирующих документов в 2007 и 2014 гг.

(периоды выбраны так, чтобы захватить год до и после изменения правил). В ячейках представлены изменения в процентах между двумя годами).

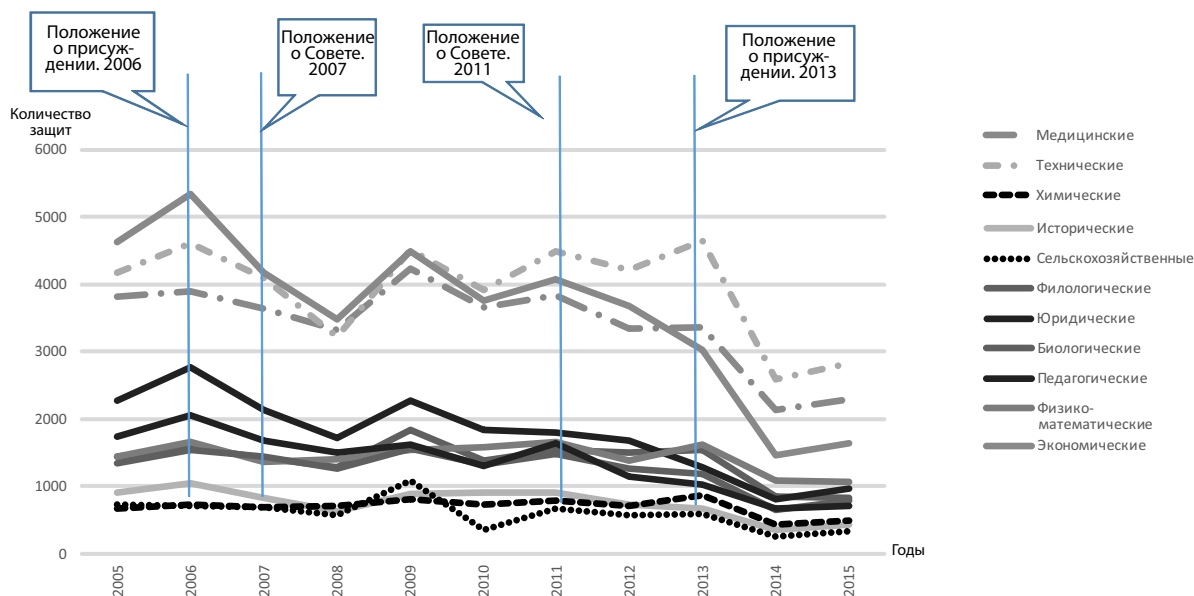

Рис. 1. Количество защит диссертаций (кандидатских и докторских) по крупнейшим областям науки, по годам

Число защит заметно возрастает уже на следующий год после спада, что указывает на способность советов и диссертантов адаптироваться к изменениям в регулировании. Так, падение в 2008 г. уже в 2009 г. компенсировалось ростом на 31%, связанным, вероятно, с тем, что потенциальные диссертанты смогли с небольшим запозданием удовлетворить публикационные требования. В 2010 г., однако, рост прекратился и число защит вернулось к уровню существенно более низкому, чем в 2006 г. В 2011 г. «Положение о совете» впервые ввело публикационные требования к членам совета (публикации в изданиях списка ВАК за последние три года), что привело к спаду защит в 2012 г. и к всплеску в 2013 г.

Таблица 1

Отношение числа защит по отдельным дисциплинам, по годам (докторские и кандидатские диссертации), по данным «Летописи авторефератов диссертаций» Книжной палаты (в %)

Науки	Соотношения по годам		
	2006/2008	2013/2015	2006/2015
Биологические	- 18,8	- 46,7	- 48,0
Исторические	- 39,5	- 33,8	- 57,6
Медицинские	- 14,9	- 31,5	- 41,2
Педагогические	- 37,4	- 25,6	- 65,1
Сельскохозяйственные	- 20,1	- 43,2	- 53,6
Технические	- 30,1	- 39,2	- 38,7
Физико-математические	- 16,5	- 34,2	- 36,1
Филологические	- 18,6	- 32,9	- 48,5
Химические	- 2,7	- 43,0	- 31,6
Экономические	- 34,6	- 45,8	- 69,3
Юридические	- 26,5	- 30,7	- 65,5

В 2013 г. кратно увеличилось требование к числу публикаций, были введены новые ограничения на отношения соискателя с оппонентом и ведущей организацией, выросло минимальное количество докторов наук в совете, появились публикационные требования к членам совета и т. д. Требования вводились не одномоментно, а на протяжении последующих лет, во время которых диссоветы приостанавливали свою деятельность и даже закрывались. Всё это отразилось на динамике защит в 2013–2015 гг. Согласно данным ВАК, в 2013 г. в России было защищено около 20 тыс. кандидатских и 2300 докторских диссертаций; уже год спустя — всего 9800 кандидатских и 1500 докторских диссертаций. В этом смысле министерство справилось с возложенной на себя задачей и сократило число защит.

Произошло ли снижение за счёт «плохих» социально-гуманитарных наук, особенно многократно упоминавшихся в этом контексте педагогических, экономических и юридических? Статистика в целом не подтверждает это предположение. В 2007 г. отчётливо пострадали социально-гуманитарные науки вследствие, видимо, некоторой избыточности сети диссоветов, когда доктора могли участвовать в работе советов нескольких организаций. Однако в 2013–2015 гг. водораздел не происходил столь явно по линии социальные — естественные науки, хотя именно на это, судя по публичным заявлениям, процитированным выше, и надеялся регулятор. Так, в 2013 г. доля кандидатских диссертаций по социально-гуманитарным наукам, несмотря на дискриминационные требования, составила 41%, в 2014 г. — 40,5%, в 2015 г. — 41,7% (от числа защищённых диссертаций в каждом году). Доля педагогических кандидатских диссертаций от числа всех защищённых кандидатских в 2013 г. составила 6,3%, в 2014 г. — 7,5%, в 2015 г. — 7,5%. Количество защит в абсолютных цифрах действительно уменьшилось, но доли дисциплин заметно не изменились. Посмотрим на расчёты немного иначе, сравним количество защит в 2013 и 2015 гг. В 2015 г. — в сравнении с 2013 г. — видим обвал в среднем на 30% (для некоторых дисциплин число защит уменьшилось вдвое). Сжатие имело во всех случаях: одинаково «пострадали» физико-математические, химические и филологические науки (см. таблицу 1). При этом можно заметить, что спад 2015 г. по отношению к 2013 г. в педагогике был всего 25,6%, а в биологии — 46,6%.

Разница в темпах сжатия не прослеживается и на уровне диссоветов. В 2013 г. функционировал 2831 диссовет; к 2015 г. число диссоветов сократилось до 2617. Причём сокращение происходило во всех науках. Данные, приведённые в таблице 2, показывают распределение действующих¹² диссоветов по укрупнённым областям наук. Доли для каждой области почти не изменились. При сравнении данных за 2013 и 2015 гг. мы видим, что чуть меньше диссоветов осталось действующими в случае социально-экономических наук, однако разница незначительна (доля снизилась на 2%). Нужно допустить, что закрытие советов могло носить отсроченный эффект — организациям, при которых они были созданы, давалось время адаптироваться к новым требованиям. Тем не менее видны наиболее заметный спад в количестве советов в 2014 г. и увеличение их числа уже в следующем году, так что эффект лага был не слишком значимым, если и присутствовал.

¹² Статус совета извлекался из данных за 2013–2015 гг., опубликованных ВАК (см. выше, раздел «Статистические данные»), где отдельно указывалось, были ли в текущем году защиты или нет. Отсутствие информации в клетке (пустая клетка) рассматривалось нами как приостановление действия диссовета (после проверки случайной выборки диссоветов эта информация нашла свое подтверждение).

Таблица 2

Распределение действующих советов по укрупнённым областям наук*

Область знания	Год		
	2013	2014	2015
Гуманитарные науки	501 (17,7%)	437 (17%)	460 (17,5%)
Естественные науки	601 (21,2%)	564 (21,9%)	567 (21,6%)
Науки о жизни и медицина	640 (22,6%)	620 (24,1%)	628 (24%)
Социальные и экономические науки	474 (16,7%)	387 (15,1%)	386 (14,7%)
Технические науки	615 (21,7%)	558 (21,7 %)	576 (22%)
Всего	2831	2566	2617

* Вслед за С. Донецкой [Донецкая 2017: 27–28] мы использовали группировку по пяти областям наук, введённую для составления рейтинга QS World University: гуманитарные науки (искусствоведческие, культурологические, исторические, педагогические, философские и филологические); социальные и экономические науки (социологические, экономические, политические и юридические); естественные науки (геолого-минералогические, географические, физико-математические и химические); технические науки (архитектурные и технические); науки о жизни и медицина (психологические, биологические, ветеринарные, медицинские, фармацевтические и сельскохозяйственные).

Снижение числа защит происходило не только за счёт закрытия советов, но и в результате снижения среднего количества защит на совет. Другими словами, через диссоветы стало проходить меньше диссертаций. В 2013 г. среднее количество защит в год на одну специальность в диссовете составляло 3,3 (значимых различий между дисциплинами не обнаружено). Год спустя среднее количество защит на специальность стало составлять 1,7. Закручивание гаек со стороны ВАК привело к тому, что издержки выросли для всех дисциплин, в том числе и для тех, которые меньше всего подозревались в низком качестве, — в них также закрывались отдельные специальности и целые диссоветы. Если диссовет продолжил работу, то снизилось количество желающих пройти через всю процедуру защиты диссертации, вероятно, вследствие возрастающих публикационных требований и сложностей в поиске оппонентов (см. подробнее далее). В общем и целом, несмотря на успех 2008 г., Министерство образования и науки не справилось с тем, чтобы резко сократить долю защит в социально-гуманитарных дисциплинах.

Увеличилось ли количество защит в сильных организациях?

Наш дальнейший шаг — анализ распределения защит по типам организаций. Так мы сможем ответить на вопрос, стали ли защиты концентрироваться в сильных организациях. В таблице 3 приводятся данные по изменению доли докторских защит по категориям институций за два периода — до начала последних и наиболее значимых реформ и после них. Мы видим, что большая часть защит проходит не в ведущих организациях, на которые приходится только четверть защит, причём по сравнению с 2013 г. в 2015 г. доля защит в ведущих организациях (РАН и университеты группы «5-100») выросла незначительно (на 2,2%). Это может показаться парадоксальным результатом, учитывая, что реформы диссертационной индустрии были явно направлены на повышение роли ведущих центров, однако эта роль почти не возросла и осталась сравнительно небольшой. Решающих изменений в локализации докторских защит не произошло.

Таблица 3

Распределение докторских защит по разным типам организаций за два периода

Организации	Период	
	2011–2012 гг.	2014–2015 гг.
Институты РАН	606 (11,4%)	382 (12,5%)
Университеты группы «5-100»	744 (14%)	466 (15,2%)
Все прочие	3 972 (74,6%)	2 219 (72,4%)
Всего	5322	3067

Таблица 4

Распределение докторских защит по разным типам организаций и областям наук за два периода

Область знания	Период			
	2011–2012 гг.		2014–2015 гг.	
	Университеты группы «5-100» и РАН	Другие	Университеты группы «5-100» и РАН	Другие
Гуманитарные науки	290 (25,8%)	833 (74,2%)	156 (26,4%)	434 (73,6%)
Естественные науки	445 (67%)	219 (33%)	278 (71,8%)	109 (28,2%)
Науки о жизни и медицина	283 (16,2%)	1461 (83,9%)	194 (17,3%)	924 (82,7%)
Социальные и экономические науки	187 (18,4%)	829 (81,6%)	129 (23,8%)	414 (76,2%)
Технические науки	145 (18,7%)	630 (81,3%)	91 (21,2%)	338 (78,8%)
Всего	5322		3067	

Важно обратить внимание на то, что научные области различаются в том, насколько их защиты сконцентрированы в важнейших организациях. Заметно выделяются естественные науки, в которых 67% в первом периоде и 72% во втором периоде защит проходит в университетах группы «5-100» и в институтах РАН. Для всех остальных укрупнённых областей наук мы видим гораздо менее заметную концентрацию защит в сегменте сильных институций — не больше 25% защит. При этом можно заметить увеличение доли защит в сильных организациях для всех областей наук в сравнении между двумя периодами, однако это увеличение не превысило 4% для естественных наук и составило 2–3% для остальных областей. Этот результат покажется особенно невыразительным, если учесть, что, например, доля вузовских преподавателей, работающих в топовых университетах, росла как следствие государственной политики слияний и концентрации студентов в лучших вузах.

С 2014 г. началось сокращение сети диссертационных советов — многие приостанавливали свою деятельность и (или) закрывались. Данные позволяют увидеть те советы, которые действовали или были приостановлены (закрыты) в период 2013 и 2015 гг. Советы приостанавливались во всех типах организаций: недействующие советы были и в институтах РАН, и в университетах группы «5-100». Однако наибольшее число недействующих советов приходится на «прочие» организации: в 2015 г. там было в два раза больше недействующих советов в сравнении с более сильными институциями (см. таблицу 5).

Таблица 5

Распределение действующих и недействующих советов по типам организаций

Организации	Год					
	2013		2014		2015	
	Действующие	Недействующие	Действующие	Недействующие	Действующие	Недействующие
Институты РАН	404 (96,6%)	14 (3,4%)	386 (92,4%)	32 (7,6%)	383 (91,6%)	35 (8,4%)
Университеты группы «5-100»	432 (89,4%)	51 (10,6%)	424 (87,8%)	59 (12,2%)	454 (94%)	29 (6%)
Прочие	1995 (93,4%)	140 (6,6%)	1756 (82,2%)	379 (17,8%)	1780 (83,4%)	355 (16,6%)
Всего	2831	205	2566	470	2617	419

Из таблицы 6 видно, как менялась сеть диссоветов по типам организаций и областям наук. Важно отметить, что, во-первых, советы по дисциплинам распределены неравномерно. В естественных науках они чаще действуют при сильных организациях (в половине случаев советы открыты при институтах РАН и университетах группы «5-100»). Для социальных наук эта доля не превышает трети. Во-вторых, уменьшение числа советов происходило преимущественно в «других» организаций, число же советов при вузах группы «5-100» и РАН оставалось примерно тем же (во всех областях наук). Особенно снижение количества советов в обычных организациях заметно для социально-экономических наук: если в 2013 г. их доля составляла 75%, то в 2015 г. она снизилась до 68% (но всё ещё в основном советы сосредоточены не в самом сильном сегменте).

Таблица 6

Распределение действующих советов по специальностям и видам организаций

Области знания	Год					
	2013		2014		2015	
	Группа «5-100» и РАН	Другие	Группа «5-100» и РАН	Другие	Группа «5-100» и РАН	Другие
Гуманитарные науки	134 (26,7%)*	367 (73,3%)	128 (29,2%)	309 (70,8%)	134 (29,1%)	326 (70,9%)
Естественные науки	338 (56,2%)	263 (43,8%)	326 (57,8%)	238 (42,2%)	331 (58,3%)	236 (41,7%)
Науки о жизни и медицина	137 (21,4%)	503 (79,6%)	135 (21,7%)	485 (79,3%)	139 (22,1%)	489 (77,9%)
Социальные и экономические науки	121 (25,5%)	353 (74,5%)	120 (31%)	267 (69%)	124 (32,1%)	262 (67,9%)
Технические науки	106 (17,2%)	509 (82,8%)	101 (18,0%)	457 (82,0%)	109 (18,9%)	467 (81,1%)
Всего	2831		2566		2617	

* Проценты здесь и далее — от общего количества действующих советов по блоку дисциплин.

Мы приходим, таким образом, к несколько парадоксальному выводу: хотя распределение советов ощутимо изменилось в пользу более сильных организаций, значимого увеличения количества защит в них не произошло. Подобное могло случиться, если диссертанты, прежде ориентировавшиеся на слабый совет в периферийной организации, переориентировались на совет в другой такой же организации. Чтобы понять, произошло ли именно это, мы проанализируем географический паттерн защит.

Изменилось ли географическое распределение защит?

Изучение траекторий перемещения диссертантов может помочь ответить на важный вопрос: что, собственно, происходит с локализацией защит в результате государственной политики, направленной на

повышение их качества? Архитекторы реформирования диссертационной индустрии, возможно, предполагали, что защиты будут сконцентрированы в небольшом числе советов в важнейших академических центрах, а ученые с периферии будут совершать паломничество в эти центры. Соответствие этого предположения действительности можно проверить, проанализировав потоки перемещений в крупные города (Москва и Санкт-Петербург) и сравнив эти потоки с остальными городами из нашей выборки. Анализ перемещений диссертантов учитывал место подготовки и защиты диссертации, а также расположение ведущей организации¹³. В дополнение к базе ВАК привлекались данные, извлечённые из «Летописи авторефератов диссертаций» Российской книжной палаты, которые позволяют включить в расчёты кандидатские защиты¹⁴.

Как и в случае докторских диссертаций, первой задачей было посмотреть на разделение потоков диссертантов между столичными и остальными городами. В таблице 7 показаны количество защит в столичных городах, а также приходящаяся на них доля от общего числа всех защит в выбранный год. В 2010–2016 гг. на долю Москвы приходится 33–34% защит, Санкт-Петербурга — 11–12% и на долю остальных городов — 54–55%.

Таблица 7

Число защит кандидатских и докторских диссертаций в городах России по годам (данные «Летописи авторефератов диссертаций» Российской книжной палаты)

Год защиты	Москва	Санкт-Петербург	Остальные города	Всего
2010	7851 (33,9%)	2591 (11,2%)	12 701 (54,9%)	23 143
2011	8711 (33,8%)	2846 (11,1%)	14 180 (55,1%)	25 737
2012	7631 (33,7%)	2315 (10,2%)	12 673 (56%)	22 619
2013	7644 (34,7%)	2377 (10,8%)	11 978 (54,4%)	21 999
2014	4139 (33,4%)	1601 (12,9%)	6 661 (53,7%)	12 401
2015	4566 (33,2%)	1704 (12,4%)	7 485 (54,4%)	13 755

Посмотрим на доли защит в отдельных регионах (см. таблицу 8). Большая часть защит проходит в Центральном округе (45%); Северо-Западный округ, представленный прежде всего Санкт-Петербургом, берет на себя 12% защит. Следующие самые заметные по количеству защит округа — Приволжский (16%) и Сибирский (10%). Остальные регионы менее представлены. Сравнивая два периода, в абсолютных цифрах мы видим резкое уменьшение числа защит во всех регионах, однако относительный вес регионов почти не изменился. Число защит в Центральном округе сокращается на 2%, а в Северо-Западном растёт на 2%. Количество действующих советов по регионам показывает схожую картину. На Центральный (46,5%) и Северо-Западный (14%) округа приходится наибольшая доля действующих советов. Со временем доля советов в каждом регионе практически не меняется.

¹³ Кодировка проходила по названию населённого пункта. Диссертации, защищавшиеся за пределами России, были удалены, как и диссертации, для которых ведущая организация располагалась за пределами России. Информация о городах и времени защиты была представлена не по всем диссертантам, поэтому в итоговой базе потеряны данные о 5–6% защит. Также не по всем диссертантам были доступны данные о ведущих организациях, поэтому в сравнениях, использующих этот показатель, потеряно 11% случаев.

¹⁴ Мы исключали из анализа данные из «Летописи» в случае, когда организация, где была защищена или подготовлена диссертация, не находилась на территории России, или невозможно было установить, где она географически локализована (в результате потеряны 1–2% данных).

Таблица 8

Число защит кандидатских и докторских диссертаций по регионам в двух временных периодах*

Административный округ	Период	
	2011–2012 гг.	2014–2015 гг.
Центральный	21578 (45%)	11232 (43%)
Северо-Западный	5847 (12%)	3697 (14%)
Южный	3465 (7%)	1873 (7%)
Северо-Кавказский	1739 (4%)	686 (3%)
Приволжский	7573 (16%)	4016 (15%)
Уральский	2423 (5%)	1376 (5%)
Сибирский	4880 (10%)	2934 (11%)
Дальневосточный	851 (2%)	342 (1%)
Всего	48356	26156

* В скобках даются проценты, посчитанные от количества защищённых диссертаций по регионам за указанный период.

Далее мы проанализировали степень локализации потоков диссертантов, сравнив два периода, а именно 2011–2012 гг. и 2014–2015 гг., разделённых моментом самого решительного преобразования — введением в 2013 г. нового «Положения о присуждении учёных степеней», и добавив разбивку по дисциплинам (см. таблицу 9). В данном случае под локализацией понимается полное совпадение города, где диссертант работал над диссертацией и где он её защищал¹⁵. К этим данным мы также добавили информацию о расположении ведущей организации и посчитали долю совпадения всех трёх городов по каждой дисциплине относительно всех защит по данной дисциплине в двух временных периодах.

Посмотрим сначала на столбец с локализацией подготовки и защиты в одном городе. Степень локализации варьируется от 51% в случае сельскохозяйственных наук до 86% в случае юридических наук; в среднем доля защит, происходящих в том же городе, составляет около 70–80%. Обратившись к паттерну локализации за 2014–2015 гг., мы увидим в той же таблице 9, что для большинства областей изменение составило порядка 5%.

Таблица 9

Число защит докторских диссертаций с совпадением городов, по годам*

Область знания	Город подготовки совпадает с городом защиты		Совпадение трёх городов	
	2011–2012 гг.	2014–2015 гг.	2011–2012 гг.	2014–2015 гг.
Физико-математические науки	305 (78%)	165 (76%)	100 (26%)	39 (19%)
Химические науки	120 (81%)	69 (80%)	43 (29%)	24 (28%)
Биологические науки	245 (64%)	145 (63%)	82 (22%)	39 (17%)
Технические науки	520 (72%)	260 (65%)	173 (25%)	63 (16%)
Сельскохозяйственные науки	84 (51%)	40 (46%)	14 (9%)	2 (2%)
Исторические науки	168 (72%)	77 (65%)	69 (30%)	14 (12%)
Экономические науки	557 (81%)	251 (81%)	252 (37%)	86 (28%)

¹⁵ То, при каких условиях организация должна быть указана в качестве места написания работы, не регулируется ни одним из известных нам документов, и фактически по этому пункту существуют значительные разночтения. Нас, однако, интересуют не абсолютные числа, а динамика и различия между дисциплинами, что, можно предполагать, отражает контрасты, пусть даже и искажая оценки.

Таблица 9. Окончание

Область знания	Город подготовки совпадает с городом защиты		Совпадение трёх городов	
	2011–2012 гг.	2014–2015 гг.	2011–2012 гг.	2014–2015 гг.
Философские науки	156 (80%)	61 (76%)	69 (36%)	24 (31%)
Филологические науки	205 (79%)	110 (67%)	48 (19%)	23 (14%)
Юридические науки	149 (86%)	108 (83%)	69 (40%)	45 (36%)
Педагогические науки	226 (74%)	121 (75%)	46 (15%)	25 (16%)
Медицинские науки	757 (75%)	505 (73%)	372 (37%)	265 (39%)
Искусствоведение	43 (84%)	29 (81%)	20 (42%)	9 (25%)
Психологические науки	60 (72%)	36 (75%)	28 (34%)	15 (32%)
Социологические науки	51 (78%)	26 (60%)	17 (27%)	14 (35%)
Политологические науки	53 (84%)	27 (75%)	26 (41%)	13 (36%)
Культурология	31 (72%)	8 (62%)	14 (33%)	4 (31%)
Науки о земле	60 (67%)	36 (67%)	18 (20%)	12 (24%)
Всего	3790(75%)	2074(71%)	1460(29%)	716(25%)

* Мы взяли докторские защиты, предполагая большую мобильность авторов докторских диссертаций по сравнению с авторами кандидатских. Всего защит кандидатских диссертаций в 2010–2015 гг. состоялось 105 391; совпадение городов имело место в 84 638 случаях, то есть в 80,3%.

При добавлении информации о ведущей организации степень локализации уменьшается до 15–30% (совпадение всех трёх организаций почти не встречается для сельскохозяйственных наук). Нужно отметить, что данные о ведущей организации не связаны напрямую с географическими перемещениями, а свидетельствуют, скорее, о связях совета и диссертанта. Самые высокие доли случаев, когда все три организации в одном городе, наблюдаются для политологии, права и искусствоведения, достигая 40%. Сравнивая абсолютные значения за два периода, можно заметить, как уменьшается общее число защит внутри каждой специальности, однако доля защит диссертаций внутри того же города при этом заметно не меняется для большинства дисциплин.

В отношении тех диссертантов, которые покидали родной город, мы хотели посмотреть, существуют ли какие-то устойчивые паттерны связей между регионами и оказали ли реформы заметное влияние на изменение этих связей. В данном случае мы опирались на информацию о двух различных организациях — места подготовки и защиты диссертации. Однако уровень концентрации даже для периферийных регионов так высок (доля внутренних защит колеблется для большинства округов и составляет 83–87%), что устойчивых связей между регионами практически не возникает. Округа, из которых диссертанты уезжают для защиты чаще остальных регионов, это Северный Кавказ (едут в Центр и Южный округ) и Дальний Восток (едут в Центр и Сибирь). В дореформенный период доля внутренних защит в таких округах составляла 62–63%. При этом изменения между двумя периодами для большинства округов мизерны.

Подведём итоги. Мы видим, что ограничительные меры, возможно, привели к некоторому повышению географической мобильности диссертантов в случае отдельных социально-научных дисциплин, но даже в них доля совпадения подготовки и защиты диссертации в одном городе остаётся выше 60%. В целом мы наблюдаем картину неподвижности. То, что ВАК чаще закрывал советы в слабых организациях, практически не сказалось на их доле защит. На основании наших данных невозможно сделать окончательные выводы, но мы предполагаем, что изменений не происходило, поскольку диссертанты устремлялись в совет в другой похожей организации. При этом, однако, они неохотно покидали родной

город и ещё менее охотно — регион. В целом самым частым ответом на закрытие единственного подходящего совета в городе было, видимо, отложить защиту до лучших времён (или, возможно, попробовать защититься по смежной специальности, в которой совет был). Из-за этой инертности усилия Министерства образования по концентрации защит в ведущих институциях во многом пропали даром.

Заключение

Авторы данной статьи ставили перед собой две цели. Во-первых, мы хотели добавить в словарь неинституциональной социологии организаций новый термин — «институциональный трафарет», означающий легитимный образец, к которому прилагается легитимная же процедура определения соответствия этому образцу. Во-вторых, мы хотели на конкретном примере рассмотреть логику развития одного такого трафарета и описать следствия его распространения, очертив круг вопросов, которые существование любого трафарета неизменно поднимает. Своим возникновением трафарет, как мы видели, обязан прежде всего особой форме подозрения [Соколов 2020], которая позволяет предвидеть (или верить, что они предвидят) то, как соответствие ему будет имитироваться. Следствия применения трафарета, однако, как показывает наш пример, часто отличаются от предполагаемых. На причинах этого мы остановимся здесь подробнее.

Мы видели, что внедрение институциональных трафаретов, по всей видимости, оказало драматическое влияние на диссертационную индустрию, сократив число защит практически вдвое. Хотя некоторые другие факторы, не связанные с реформой, также могли сыграть свою роль¹⁶. Вряд ли чем-то ещё можно объяснить резкие перепады, которые видны на рисунке 1. Падение числа защит, вероятно, отчасти связано с сокращением числа советов (вследствие недостатка кадрового обеспечения), отчасти с умножением требований к участникам защиты, что уменьшило среднее количество защит на совет. Если считать, что меньшее число защит было самостоятельной целью реформы, то её можно полагать достигнутой. В то же время декларированная цель сокращения доли защит в «слабых» социально-гуманитарных науках выполнена не была, несмотря на откровенно дискриминационные меры в их отношении (большая публикационная нагрузка). За частичным исключением падения числа защит в 2007–2008 гг. представление о том, что реформы ударили по намеченной цели, не соответствуют действительности.

Что ещё изменилось? Мы видели, что ни в географической, ни в институциональной локализации не произошло существенных изменений. Самое заметное изменение связано с блоком социально-экономических наук, для которых повысилась доля советов, действующих в сильных организациях, однако и сейчас она составляет не больше 22% (что примерно вдвое меньше доли советов в соответствующих организациях в естественных науках), и, видимо, большая частота защит в советах «других» организаций нивелировала эффекты этой трансформации. Если выбранная политика должна была привести к концентрации диссертационного производства в организациях, считающихся важными академическими центрами, то эта цель достигнута не была. Уровни диссертационной мобильности не увеличились значимо; мы не видим, что паломничество в крупные научные центры стало более частым делом.

¹⁶ Поскольку большинство претендентов на степень являются вузовскими преподавателями, на спросе на продукцию диссертационной индустрии, вероятно, повлияли также (а) общий демографический спад и сокращение числа учащихся; (b) майские указы и массовые сокращения профессорско-преподавательского состава (ППС), которые уменьшили число потенциально заинтересованных в степени; также можно предположить, что (c) известный спад вызван перенасыщением в предыдущий период нерегулируемой индустрии. Все эти факторы, однако, не могут объяснить настолько быстрых сдвигов, как те, которые мы наблюдаем.

Почему внедрение институционального трафарета не привело к тем последствиям, на которые его авторы рассчитывали¹⁷? Следование трафарету создавало дополнительные издержки для диссертантов и для советов. По замыслу создателей, эти издержки должны быть меньше для «правильных» диссертантов, соответствовавших идеальному образцу. Тем не менее никаких следов того, что профиль диссертантов, все-таки защитившихся в новый период, сильно отличался от тех, кто защищался ещё в дореформенные времена, мы не видим.

Можно предполагать, что произошла одна из ошибок сродни тем, которые возникают при операционализации понятий в социологических исследованиях.

Теоретически допустимо, что трафарет как раз улавливал формы поведения, скоррелированные с качеством работы, а вот наши (а также руководства Министерства образования и науки и ВАК) предположения о том, где локализовано это качество, были неверны. С точки зрения допущения, «лучшие университеты» и естественные науки просто не лучше в этом плане «других» организаций и социально-гуманитарных дисциплин, поэтому сокращения и были пропорциональны. Однако, хотя это предположение и привлекательно своей контринтуитивностью, оно вряд ли соответствует всему тому, что мы знаем о российском академическом мире из иных источников.

Другое предположение — и, по нашему ощущению, более правдоподобное — состоит в том, что издержки, связанные с прохождением через трафарет, были лишь слабо скоррелированы с научным уровнем диссертанта. Это могло произойти в силу двух причин.

Во-первых, демонстрация соответствия трафарету сопровождалась массой дополнительной работы, объём которой был одинаков и для сильных, и для слабых диссертантов. Более того, если ориентироваться на стереотип, согласно которому хорошими учёными становятся творческие личности, ненавидящие рутинную канцелярскую работу, то окажется, что для «правильных» диссертантов издержки могли быть даже больше¹⁸. Действительно, лейтмотивом в интервью было то, что усложнившаяся документация окончательно превратила защиты в сбор бумаг и выполнение бессмысленных требований. Такое мнение сложилось у непосредственных участников процесса:

Ну, это связано с разного рода отчётами, с разного рода тонкостями в самой процедуре защиты, потому что она за эти 10 лет ужасно забюрократизировалась. И вообще, как мне представляется, процедура защиты сейчас — это чисто бюрократический процесс, и никакого отношения к событию мысли он вообще не имеет, вот. То есть увеличилось очень сильно количество именно вот таких требований со стороны ВАКа, вот, которые мы должны выполнять, чтобы соответствовать всем этим регламентам (интервью с учёным секретарём диссовета в гуманитарной области, региональный университет).

Ставшие более строгими требования ВАК к соответствию между профилем диссертации и советом привели к развитию множества предохранительных мер, которые добавляли диссертантам работы и

¹⁷ За рамками этого текста остаются многие следствия реформ диссертационной индустрии, на которые ее инициаторы, видимо, не рассчитывали и даже вовсе не догадывались, что таковые наступят. Так, в частности, можно отметить ослабление междисциплинарных связей в менее легитимных социально-гуманитарных науках, в которых доля научных руководителей и оппонентов, чья диссертация была написана не по той специальности, по которой защищается соискатель, ощутимо сократилась [Сафонова, Соколов 2016]. Вероятно, что это сокращение было следствием желания застраховаться от обвинений в недостаточной компетентности руководителя и в несоответствии работы профилю специальности.

¹⁸ Тут можно задаться вопросом о том, не является ли защита именно в её нынешнем виде, со всем прилагающимся бюрократическим абсурдом, рыночным сигналом, свидетельствующим о готовности к академической жизни в её современных формах. Мы предлагаем читателю самостоятельно развить эту мысль.

иногда откладывали защиту. В некоторых университетах появились специальные службы, задача которых — проверять диссертационные дела на соответствие всем требованиям ВАК. Причём в таких отделах работают люди, которые не являются экспертами в рассматриваемых областях, поэтому в ряде случаев проверки приводят к абсурдным ситуациям. Так, из интервью мы узнали о том, что в одном из региональных университетов от диссертанта требуют совпадения не менее пяти слов в названии диссертации и названиях статей, в которых представлены результаты выносимой на защиту работы. В другом интервью деятельность соответствующего отдела описывали так:

Отдел диссертационных советов предлагает, прежде чем подписывать и ставить печати на отзывы, в формате Word этот документ прислать им в отдел. Чтобы они посмотрели, всё ли там учтено. Вот, в частности, они берут и смотрят там, в положении написано: официальный оппонент в своём отзыве должен в обязательном порядке отметить актуальность, там, новизну, практическую значимость. Вот они как смотрят. Они видят, что нет слова «достоверность». Вообще там есть об этом, вот есть абзац, но слово «достоверность» они там не видят, поэтому они просят, ну в этом случае, ну добавьте предложение, что достоверность работы и дальше абзац пусть идёт. Вот они так проверяют (интервью с учёным секретарём совета в гуманитарной области, региональный университет).

Во-вторых, трафарет мог не учитывать множества локальных обстоятельств, которые для конкретных диссертантов становились почти непреодолимым барьером, и при этом не имели отношения к качеству работы. Одной из регулярно всплывавших тем в наших разговорах с членами диссоветов были новые требования к оппонентам, особенно в сочетании с наказаниями за несоответствие им. Опасения заставляло многих потенциальных участников защиты отказываться от этой роли; в результате поиск более подходящего и сговорчивого оппонента откладывал саму защиту на годы.

Интервьюер. А что, вообще, стоит вот за этим повсеместным спадом, что на него повлияло больше всего? Советов стало меньше, требования к диссертациям стали выше, оппонентов не найти?..

Респондент (учёный секретарь совета в области социальных наук, региональный университет). А... такая многофакторная штука, когда одно влечёт за собой другое. Да, оппонентов не найти. Оппоненты, во-первых, стали бояться. Это не очень выгодно стало участвовать во всех этих процедурах, поскольку можно самим попасть в чёрный список в случае чего... С одной стороны, при нынешних требованиях — это процедурных и качества рецензирования вот этих работ — да, оппонирование плюс, собственно говоря, затраты времени, которые не окупаются теми бонусами, которые за это даются, да, неоплачиваемый фактически вид работы, боязнь там вляпаться в какие-то коррупционные, может быть, там, да, связи... Поэтому отказов стало очень много, особенно по докторским. Когда ищешь оппонентов на докторскую, бывает очень трудно уложиться в этот четырёхмесячный как раз срок рассмотрения диссертации. Иногда там просили даже забрать заявление самого соискателя для того, чтобы по-новому, через какое-то время, запустить этот процесс. Чаще всего это было связано как раз с проблемой с оппонентами. Причём почему это ещё замкнутый круг? Потому что <...> требования к оппонентам тоже повышаются <...> человек должен работать желательнее, да, и по крайней мере иметь публикацию в рамках этой специальности. А докторские диссертации, так как они концептуальны, многие там действительно новизной обладают, то подобрать специалиста по той теме, по которой пишется докторская, фактически в узком поле нашей науки становится всё сложнее и сложнее <...>.

При этом требования трафарета к подбору оппонентов могли быть едва ли не негативно скоррелированы с теми характеристиками исследователей, которые ВАК хотела поддержать. Так, в сложное положение попадали небольшие элитарные субдисциплины вроде древних языков или астрономии, в которых практически все специалисты в той или иной форме сотрудничали друг с другом, а независимого оппонента была просто неоткуда взять. Забавно, но подобные проблемы были наименьшими как раз в тех областях социально-экономических наук, в которых в последние годы наблюдался бум, — они изобилуют потенциальными оппонентами и ведущими организациями.

Значит ли это, что любая попытка регулировать диссертационную индустрию, опираясь на институциональные трафареты, обречена на провал? Мы не можем утверждать это, разумеется, со ссылкой на один-единственный эксперимент с пересмотром диссертационных положений. Возможно, иная конфигурация правил (например, присваивать автоматически степень любому опубликовавшемуся в журнальном первом квартале) оказала бы совершенно иное воздействие. Но мы подозреваем, что проблема в данном случае носит более общий характер, описанный в обширной литературе о важности локального знания (метиса), не подлежащего замене абстрактной универсализирующей схемой [Scott 1998]. Возвращаясь к приведённому выше французскому примеру, отметим: гарантией того, что диссертант не будет собирать в свой комитет своих приятелей и приятелей научного руководителя, является то, что дисциплинарное сообщество знает и его, и его научного руководителя, и их приятелей, и, соответственно, такая композиция диссертационного комитета будет принята за сигнал, что с диссертацией всё плохо. Подобное знание невозможно формализовать, оно локально и принадлежит небольшому числу специалистов в конкретной дисциплине, которые умеют считывать неведомые посторонним знаки¹⁹. То, что институциональный трафарет может проделать ту же работу, ещё предстоит доказать.

Приложение 1

Таблица П1.1

Основные нормативные изменения в процедуре присвоения степеней*

Период	Событие
	Публичность и прозрачность
2006 г.	Для докторской диссертации появляется необходимость размещать объявление о защите вместе с авторефератом на сайте ВАК.
2011 г.	Для кандидатской диссертации появляется необходимость размещать объявление о защите вместе с авторефератом на сайте ВАК.
2013 г.	Диссертации с плагиатом размещаются сроком на 10 лет на официальном сайте организации диссовета, В случае лишения степени размещается на сайте ВАК информация обо всех, кто был вовлечён в защиту.
2013 г.	Появились требования размещать на сайте организации полный текст диссертации, отзывы научных руководителей и автореферат диссертации.

¹⁹ Можно ли поставить локальное знание на службу политике повышения академического качества? Да, но для этого должны измениться стимулы, воздействующие на организации, и в особенности на низовые подразделения (кафедры, департаменты), которые, собственно, только и обладают всей необходимой информацией. Если те получают ощутимые вознаграждения, экономические или символические, связанные с приёмом на работу в будущем знаменитого учёного, их требования к кандидатам изменятся. То, какими могут быть эти стимулы, выходит далеко за пределы данной статьи (см.: [Соколов 2019]). В истории американской академической революции, например, свою роль сыграли прежде всего потоки студентов, особенно аспирантского уровня, следовавшие за громкими именами. Соответственно, департаменты, нанимающие звёзд, получали финансовую подпитку, лучших студентов, которых приятно было учить, и удовлетворяющие преподавательское тщеславие места в дисциплинарных рейтингах [Jencks, Riesman 2002]. Если изменятся стимулы организации, изменятся и выборы диссертантов, направленные на упреждение этих требований и превентивно ориентированные на то, чтобы вписаться в куда более изощрённый трафарет, чем тот, который сможет изобрести аутсайдер.

Таблица П1.1. Продолжение

Период	Событие
2016 г.	Увеличился срок доступа диссертаций на сайтах организаций: 12 месяцев для докторской диссертации и в течение не менее 10 месяцев для кандидатской.
2016 г.	Впервые упоминается необходимость ведения стенограммы и аудиовидеозаписи.
	Ограничение связей
2013 г.	Появляется ограничение для ведущей организации. Организации, в которых работают соискатель учёной степени, научные руководители, а также организации, где ведутся научно-исследовательские работы, по которым соискатель является руководителем или работником организации-заказчика или исполнителем, не могут быть ведущими.
	Требования к открытию совета
1994 г.	В составе совета по защите кандидатских диссертаций должно быть не менее пяти специалистов по каждой отрасли науки каждой специальности, в том числе не менее трёх докторов наук. В составе совета по защите докторских диссертаций должно быть не менее пяти докторов наук по каждой отрасли науки каждой специальности совета.
2000 г.	Каждый специалист в составе диссертационного совета представляет только одну специальность по одной отрасли науки.
2000 г.	К ходатайству об открытии диссовета прикладывается информация о наличии лицензированных и аккредитованных аспирантуры и докторантуры в обращающейся организации.
2000 г.	Количество сотрудников, имеющих основным местом работы организацию, где создаётся совет, должно быть не менее 60% состава совета.
2000 г.	Доктор или кандидат наук, помимо участия в работе советов по присуждению учёных степеней по месту основной работы, может состоять членом одного диссертационного совета сторонней организации.
2007 г.	В составе диссовета по защите докторских диссертаций должно быть не менее семи докторов наук по каждой отрасли науки каждой специальности совета, в том числе не менее пяти докторов наук по каждой отрасли науки каждой специальности совета, имеющих основным местом работы организацию, при которой создаётся совет.
2007 г.	В составе совета по защите кандидатских диссертаций должно быть не менее пяти докторов наук по каждой отрасли науки каждой специальности совета, в том числе не менее трёх докторов наук по каждой отрасли науки каждой специальности совета, имеющих основным местом работы организацию, при которой создаётся совет.
2007 г.	Советы создаются не более, чем по трём специальностям.
2007 г.	Доктор или кандидат наук, помимо участия в работе советов по присуждению учёных степеней по месту основной работы, может состоять членом не более двух диссоветов сторонней организации.
2011 г.	Увеличилось количество докторов наук по специальности: при защите докторской необходимо участие в заседании не менее пяти докторов наук по каждой специальности защищаемой диссертации, а при защите кандидатской — не менее трёх докторов наук.
2011 г.	Советы создаются но не более, чем по пяти специальностям.
2011 г.	Доктор или кандидат наук, помимо участия в работе советов по присуждению учёных степеней по месту основной работы, может состоять членом не более четырёх диссоветов сторонней организации.
2014 г.	Доктор или кандидат наук, помимо участия в работе советов по присуждению учёных степеней по месту основной работы, может состоять членом не более трёх диссоветов сторонней организации.
2014 г.	Вводится длинный список документов, которые должны быть представлены организацией, желающей создать совет. Большое место стали занимать сведения о научном потенциале организации, подробные наукометрические показатели членов будущего диссовета
2015 г.	При отказе в открытии совета снова можно снова ходатайствовать о его открытии только через три года.

Таблица III.1. Окончание

Период	Событие
2017 г.	Количество сотрудников, имеющих основным местом работы организацию, где создаётся совет, должно быть не менее 50% состава совета.
2017 г.	При отказе в открытии совета снова можно ходатайствовать об его открытии через год. Требование к членам диссовета
1994 г.	К членам совета нет чётких требований по публикациям.
2014 г.	Каждый член диссертационного совета должен за последние три года иметь не менее трёх публикаций в рецензируемых научных журналах и изданиях либо являться учёным, обогатившим науку трудами первостепенного научного значения.
2014 г.	Членом совета может быть человек с иностранной степенью, признаваемой в России.
2017 г.	Членом совета не может быть специалист, являвшийся научным руководителем (консультантом) лица, в отношении которого принято решение о лишении учёной степени за пять лет, предшествующих ходатайству организации о выдаче разрешения на создание диссертационного совета или об изменении состава диссертационного совета. Количество членов совета
1994 г.	Как правило, не менее 12 и не более 24 человек.
2000 г.	Не менее 12 и не более 25 человек.
2007 г.	Не менее 17 человек.
2014 г.	Не менее 19 человек. Требования к публикациям и журналам
1994 г.	Нет уточнения, в каких изданиях публиковать результаты диссертационного исследования; засчитываются много видов публикаций (монографии, тезисы конференции и т. д.).
2002 г.	Появляется упоминание, что результаты диссертационного исследования должны быть опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, однако перечень этих журналов не предлагается.
2006 г.	Вводится указание на количество необходимых публикаций: одна статья для кандидатской диссертации, для докторской работы количество не приводится. Сохраняется длинный список публикаций, помимо статей в журналах, в которых могут быть опубликованы результаты диссертационного исследования.
2013 г.	Увеличивается количество необходимых публикаций для защиты: для докторских в социально-гуманитарных науках — не менее 15 (в остальных — не менее 10); для кандидатских — три в социально-гуманитарных и две в остальных. Список других видов публикаций сократился, из него исчезли доклады на конференциях и препринты; остались в основном патенты.
2014 г.	Отдельное положение о перечне журналов, в которых должны быть опубликованы результаты диссертационного исследования («Список ВАК»).
2014 г.	Уточняется число отраслей, по которым может числиться одно издание: по одной или нескольким (до трёх) отраслям науки и (или) (до пяти) группам специальностей научных работников.
2014	В случае, если выявленные нарушения не устранены в течение шести месяцев, издание исключается Министерством образования и науки из «Списка ВАК» без права повторного включения.
2015 г.	Увеличивается количество информации о членах редколлегии.
2018 г.	Уточняется число отраслей, по которым может числиться одно издание: не более чем по трём группам научных специальностей.
2016 г.	Журнал может снова быть включён в «Список ВАК», но не ранее, чем через три года после исключения.

* Таблица сгруппирована по основным направлениям регулирования производства степеней, поэтому годы приводятся не в хронологическом порядке.

Приложение 2

Список документов, регулирующих производство степеней

Редакции «Положения о присуждении учёных степеней...»

1. Постановление Правительства РФ от 24.10.1994 № 1185 «Об утверждении Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам учёных степеней и присвоения научным работникам учёных званий».
2. Постановление Правительства РФ от 30.01.2002 № 74 «Об утверждении единого реестра учёных степеней и учёных званий и Положения о порядке присуждения учёных степеней».
3. Постановление Правительства РФ от 30.01.2002 № 74 (ред. от 20.04.2006) «Об утверждении единого реестра учёных степеней и учёных званий и Положения о порядке присуждения учёных степеней».
4. Постановление Правительства РФ от 30.01.2002 № 74 (ред. от 20.06.2011) «Об утверждении единого реестра учёных степеней и учёных званий и Положения о порядке присуждения учёных степеней».
5. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (с изм. от 21.04.2014) «О порядке присуждения учёных степеней» (вместе с «Положением о присуждении учёных степеней»).
6. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 21.04.2016) «О порядке присуждения учёных степеней» (вместе с «Положением о присуждении учёных степеней»).

Редакции «Положения о диссертационном совете...»

7. Решение Президиума ВАК РФ от 04.11.1994 № 48/25 «Об утверждении Положения о диссертационном совете, инструкций и перечней документов по вопросам присуждения научным и научно-педагогическим работникам учёных степеней и присвоения научным работникам учёных званий».
8. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 1707 «Об утверждении Положения о диссертационном совете, инструкций и форм документов».
9. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 января 2007 г. № 2 «Об утверждении Положения о совете по защите докторских и кандидатских диссертаций».
10. Приказ Минобрнауки РФ от 12.12.2011 № 2817 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».
11. Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 7 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».

12. Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 7 (ред. от 14.12.2016) «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».
13. Приказ Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».

Редакции «Положения о ВАК»

14. Приказ от 3 апреля 2000 г. № 958 «Об утверждении положения о высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации».
15. Приказ Минобрнауки РФ от 11.04.2002 № 1356 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации».
16. Приказ Минобрнауки РФ от 03.07.2006 № 177 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации».
17. Постановление Правительства РФ от 20.06.2011 № 474 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации».
18. Постановление от 23 сентября 2013 г. № 836 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации».
19. Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 237 «Об утверждении Положения о Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации».

Положения о перечне ваковских журналов

20. Приказ Минобрнауки России от 25.07.2014 № 793 «Об утверждении правил формирования в уведомительном порядке перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».
21. Приказ Минобрнауки России от 25.07.2014 № 793 (ред. от 03.06.2015) «Об утверждении правил формирования в уведомительном порядке перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».
22. Приказ Минобрнауки России от 12.12.2016 № 1586 «Об утверждении правил формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание

учёной степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».

23. Приказ Минобрнауки России от 12.12.2016 № 1586 (ред. от 12.02.2018) «Об утверждении правил формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук».

Положения об экспертном совете ВАК

24. Положение об экспертном совете высшего аттестационного комитета Российской Федерации (в ред. решения Президиума ВАК России от 20 января 1995 г. № 3/3) (в ред. решения Президиума ВАК России от 20 января 1995 г. № 3/3).
25. Приказ Минобрнауки России от 25.12.2013 № 1393 «Об утверждении Положения об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации».
26. Приказ Минобрнауки России от 25.12.2013 № 1393 (ред. от 10.12.2015) «Об утверждении Положения об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации».
27. Приказ Минобрнауки РФ от 13.09.2006 № 226 «Об утверждении Положения об экспертном совете Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации».

Литература

- Димаджио П., Пауэлл У. 2010. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность. *Экономическая социология*. 11 (1): 34–57. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2010-11-1/26595675.html>
- Донецкая С. С. 2017. Статистика защит докторских диссертаций: изменения после реформы ВАК. *Высшее образование в России*. 4: 26–37.
- Макеева А. А. et al. 2020. Некорректные заимствования в российских докторских диссертациях: сколько, где и у кого? *Мир России*. 29 (2): 27–48.
- Сафонова М. А., Соколов М. М. 2016. Иерархия дисциплин и устройство междисциплинарных связей в России, 2006–2016: анализ корпуса докторских диссертаций. *Социология науки и технологий*. 7 (4): 86–105.
- Соколов М. 2019. Трансформирующие и селективные системы: исследование по сравнительной социологии академических рынков и карьер. *Вопросы образования*. 2: 35–77.

- Соколов М. 2020. Социология подозрительности. Теория рекомендательных отношений с примерами из академической жизни. *Социологическое обозрение*. 19 (1): 52–84.
- Соколов М. М. et al. 2015. *Как становятся профессорами. Академические карьеры, рынки и власть в пяти странах*. М.: Новое литературное обозрение.
- Филиппов В. 2013а. *ВАК проверит диссоветы*. URL: <https://rg.ru/2013/02/27/vak-site.html>
- Филиппов В. 2013б. *Новая стратегия Высшей аттестационной комиссии*. URL: <http://www.unkniga.ru/face/1412-filippov-novaya-strategiya-vak.html>
- Филиппов В. 2013с. «У нас скоро детские сады начнут кандидатские дипломы выдавать!» URL: https://www.vedomosti.ru/library/articles/2013/04/19/intervyu_vladimir_filippov_predsdatel_vak
- Abbott A. 1999. *Department and Discipline: Chicago Sociology at One Hundred*. Chicago: University of Chicago Press.
- Auranen O., Nieminen M. 2010. University Research Funding and Publication Performance — An International Comparison. *Research Policy*. 39 (6): 822–834.
- Birnbaum R. 2004. The End of Shared Governance: Looking Ahead or Looking Back. *New Directions for Higher Education*. 127: 5–22.
- Espeland W. N., Sauder M. 2007. Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds. *American Journal of Sociology*. 113 (1): 1–40.
- Espeland W. N., Stevens M. 2008. A Sociology of Quantification. *European Journal of Sociology*. 49 (3): 401–436.
- Esposito E., Stark D. 2019. What's Observed in a Rating? Rankings as Orientation in the Face of Uncertainty. *Theory, Culture & Society*. 36 (4): 3–26.
- Garfield E., Sher I. H., Torpie R. J. 1964. *The Use of Citation Data in Writing the History of Science*. Philadelphia: Institute for Scientific Information Inc.
- Hicks D. 2004. The Four Literatures of Social Science. In: Moed H., Glänzel W., Schmoch U. (eds). *Handbook of Quantitative Science and Technology Research*. Dordrecht, Netherland: Kluwer Academic Publishers; 473–496.
- Hicks D. 2012. Performance-Based University Research Funding Systems. *Research Policy*. 41 (2): 251–261.
- Jencks C., Riesman D. 2002 (1968). *The Academic Revolution*. Piscataway, NJ: Transaction Publishers.
- Klein D. 1997. Trust for Hire: Voluntary Remedies for Quality and Safety. In: Klein D. (ed.) *Reputation. Studies in the Voluntary Elicitation of Good Conduct*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1–14.
- Kutuzov A. et al. 2016. Clustering Comparable Corpora of Russian and Ukrainian Academic Texts: Word Embeddings and Semantic Fingerprints. *arXiv preprint arXiv:1604.05372v1*. URL: <https://www>.

researchgate.net/publication/301877572_Clustering_Comparable_Corpora_of_Russian_and_Ukrainian_Academic_Texts_Word_Embeddings_and_Semantic_Fingerprints

- Meyer J., Rowan B. 1977. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. 83 (2): 340–363.
- Nederhof A. 2006. Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities. *Scientometrics*. 66 (1): 81–100.
- Porter T. 1996. *Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*. Princeton: Princeton University Press.
- Powell W., DiMaggio P. (eds) (1991) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
- Power M. 1997. *The Audit Society: Rituals of Verification*. Oxford: Oxford University Press.
- Rijcke S. D. et al. 2016. Evaluation Practices and Effects of Indicator Use — A Literature Review. *Research Evaluation*. 25 (2): 161–169.
- Scott J. C. 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Scott R., Meyer J. 1994. *Institutional Environments and Organizations: Structural Complexity and Individualism*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publishing.
- Sokolov M. (2021. Forthcoming) Can the Russian Research Policy be Called Neo-Liberal? A Study in Comparative Sociology of Quantification. *Europe-Asia Studies*. 1.
- Spence M. 1973. Job Market Signaling. *The Quarterly Journal of Economics*. 87 (3): 355–374.
- Trow M. 1996. Trust, Markets and Accountability in Higher Education: A Comparative Perspective. *Higher Education Policy*. 9 (4): 309–324.
- Wouters P. 1999. *Citation Cultures*. Amsterdam University. URL: <http://garfield.library.upenn.edu/wouters/wouters.pdf>.
- Wright S., Shore C. 1999. Audit Culture and Anthropology: Neo-Liberalism in British Higher Education. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 5 (4): 557–575.

NEW TEXTS

Katerina Guba, Mikhail Sokolov, Nadezhda Sokolova

The Dynamics of Dissertation Industry in Russia, 2005–2015

Did New Institutional Templates Change Academic Behavior?

GUBA, Katerina — Candidate of Sciences in Sociology, Director of the Center for Institutional Analysis of Science & Education, European University at St. Petersburg. Address: 191187, 6/1a Gagarinskaya Str. St. Petersburg, Russian Federation.

Email: kguba@eu.spb.ru.

SOKOLOV, Mikhail — Candidate of Sciences in Sociology, Professor, European University at St. Petersburg. Address: 191187, 6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, Russian Federation.

Email: msokolov@eu.spb.ru

SOKOLOVA, Nadezhda — Junior Researcher at the Center for Institutional Analysis of Science & Education, European University at St. Petersburg. Address: 191187, 6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, Russian Federation.

Email: nsokolova@eu.spb.ru

Abstract

The paper introduces the notion of the “institutional template,” defined as a highly legitimate example of a certain practice to which formal mechanisms of assessing the degree of correspondence are attached. Arguably, institutional templates are currently the major vehicles through which coercive isomorphism spreads across the academic world. While correspondence measures often take form of quantitative indicators, this is not always the case, so this paper analyzes the history of regulations of dissertation production in Russia as an example of a predominantly non-quantitative template. We use three datasets covering approximately 250,000 cases of dissertation defenses in Russia between 2005 and 2015 to discover the outcomes of the template’s introduction in the dissertation industry. We show how the new regulations allowed a reduction in the number of defenses—nearly by half. However, contrary to the intentions of the template inventors, the reduction was distributed evenly between mathematics, natural sciences (presumably less affected by degree devaluation), and social sciences (the most affected). There was also no concentration of dissertation production in the top research centers and no evidence of intensified migration of degree candidates to such centers. Overall, there is no evidence that the template produced more obstacles for authors of low-quality dissertations than those of high quality. Using the data from interviews with members of dissertation councils, we argue the results of the template: first, it required enormous bureaucratic efforts to demonstrate an individual’s ability to fit into it, and, second, its inability to account for local circumstances of particular disciplines sometimes resulted in de facto negative selection.

Keywords: academic degrees in Russia; formal performance indicators; institutional templates; institutionalism; sociology of science; sociology of valuation.

Acknowledgements

Research project received funding from a contract with the Russian Presidential Academy of National Economy and Presidential Administration, contract registration number AAAA-A18-118042590111-9, principal researcher Katerina Guba.

References

- Abbott A. (1999) *Department and Discipline: Chicago Sociology at One Hundred*, Chicago: University of Chicago Press.
- Auranen O., Nieminen M. (2010) University Research Funding and Publication Performance – an international comparison. *Research Policy*, vol. 39, no 6, pp. 822–834.
- Birnbaum R. (2004) The End of Shared Governance: Looking Ahead or Looking Back. *New Directions for Higher Education*, vol. 127, pp. 5–22.
- DiMaggio P. J., Powell W. W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, no 1, pp. 147–160.
- Doneckaya S.S. (2017) Statistika zashchit doktorskikh dissertatsiy: izmeneniya posle reformy VAK [The Statistics of Doctoral Dissertation Defenses in Russia]. *Higher Education in Russia = Vysshey obrazovanie v Rossii*, no 4, pp. 26–37 (in Russian).
- Espeland W. N., Sauder M. (2007) Rankings and Reactivity: How Public Measures Recreate Social Worlds. *American Journal of Sociology*, vol. 113, no 1, pp. 1–40.
- Espeland W. N., Stevens M. (2008) A Sociology of Quantification. *European Journal of Sociology*, vol. 49, no 3, pp. 401–436.
- Esposito E., Stark D. (2019) What's Observed in a Rating? Rankings as Orientation in the Face of Uncertainty. *Theory, Culture & Society*, vol. 36, no 4, pp. 3–26.
- Filippov V. (2013a) *Novaya strategiya Vysshey attestatsionnoy komissii* [New Strategy of the Higher Attestation Commission]. Available at: <http://www.unkniga.ru/face/1412-filippov-novaya-strategiya-vak.html> (accessed on 1 March 2020) (in Russian).
- Filippov V. (2013b) “*U nas skoro detskie sady nachnut kandidatskie diplomy vydavat'!*” [Kindergartens will Award Candidate of Science Degrees Soon!]. Available at: https://www.vedomosti.ru/library/articles/2013/04/19/intervyu_vladimir_filippov_predsedatel_vak (accessed on 1 March 2020) (in Russian).
- Filippov V. (2013c) *VAK proverit dissovety* [VAK will Inspect Dissertaton Councils]. Available at: <https://rg.ru/2013/02/27/vak-site.html> (accessed on 1 March 2020) (in Russian).
- Garfield E., Sher I. H., Torpie R. J. (1964) *The Use of Citation Data in Writing the History of Science*. Philadelphia: Institute for Scientific Information Inc.
- Hicks D. (2004) The Four Literatures of Social Science. *Handbook of Quantitative Science and Technology Research* (eds. H. Moed, W. Glänzel, U. Schmoch), Dordrecht, Netherland: Kluwer Academic Publishers, pp. 473–496.
- Hicks D. (2012) Performance-Based University Research Funding Systems. *Research Policy*, vol. 41, no 2, pp. 251–261.

- Jencks C., Riesman D. (2002 [1968]). *The Academic Revolution*, Piscataway, NJ: Transaction Publishers.
- Klein D. (1997) Trust for Hire: Voluntary Remedies for Quality and Safety. *Reputation. Studies in the Voluntary Elicitation of Good Conduct* (ed. D. Klein), Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 1–14.
- Kutuzov A., Kopotev M., Sviridenko T, Ivanova L. (2016) Clustering Comparable Corpora of Russian and Ukrainian Academic Texts: Word Embeddings and Semantic Fingerprints. *arXiv preprint arXiv. 1604.05372*.
- Makeeva A., Tsivinskaya A., Sokolov M., Sokolova N., Guba K. (2020). Nekorrektnye zaimstvovaniya v rossiyskikh doktorskikh dissertatsiyakh: gde, skol'ko i u kogo? [Plagiarism in Russian Doctoral Dissertations: How Much, Where, and in Whose Work?]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 29, no 2, pp. 27–48 (in Russian).
- Meyer J., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, vol. 83, no 2, pp. 340–363.
- Nederhof A. (2006) Bibliometric Monitoring of Research Performance in the Social Sciences and the Humanities. *Scientometrics*, vol. 66, no 1, pp. 81–100.
- Porter T. (1996) *Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life*, Princeton: Princeton University Press.
- Powell W., DiMaggio P. (eds) (1991) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, Chicago: University of Chicago Press.
- Power M. (1997) *The Audit Society: Rituals of Verification*. Oxford: Oxford University Press.
- Rijcke S. D., Wouters P. F., Rushforth A. D., Franssen T. P., Hammarfelt B. (2016) Evaluation Practices and Effects of Indicator Use—A Literature Review. *Research Evaluation*, vol. 25, no 2, pp. 161–169.
- Scott J. C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*, New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Scott R., Meyer J. 1994. *Institutional Environments and Organizations: Structural Complexity and Individualism*, Thousand Oaks, CA: SAGE Publishing.
- Safonova M. A., Sokolov M. M. (2016) Ierarkhiya distsiplin i ustoyistvo mezhdisciplinarnykh svyazey v Rossii, 2006-201: analiz korpusa tekstov doktorskikh dissertatsiy [The Hierarchy of Disciplines and the Organization of Interdisciplinary Relations in Russia: An Analysis of the Network of Doctoral Dissertations]. *Sociology of Science and Technology = Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 7, no 1, pp. 86–105 (in Russian).
- Sokolov M. M., Guba K. S., Zimenkova T. V., Safonova M. A., CHujkina S. A. (2015) *Kak stanovyatsya professorami. Akademicheskie kar'ery, rynki i vlast' v pyati stranakh* [Becoming a Professor: Academic Careers, Markets and Power in Five Countries], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Sokolov M. (2019) Transformiruyushchie i selektivnye sistemy: issledovanie po sravnitel'noy sotsiologii akademicheskikh rynkov i kar'er [Transformative and Selective Systems: A Study in Comparative Sociology

of Academic Markets Careers]. *Educational Studies = Voprosy obrazovaniya*, no 2, pp. 35–77 (in Russian).

Sokolov M. (2020) Sotsiologiya podozritel'nosti. Teoriya rekomendatel'nykh otnosheniy s primerami iz sotsiologii nauki [Towards a Sociology of Suspicion: A Theory of Recommendation Relations with Applications to the Academic World]. *Russian Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 19, no 1, pp. 52–84 (in Russian).

Sokolov M. (2021. Forthcoming) Can the Russian Research Policy be Called Neo-Liberal? A Study in Comparative Sociology of Quantification. *Europe-Asia Studies*, no 1.

Spence M. (1973) Job Market Signaling. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 87, no 3, pp. 355–374.

Trow M. (1996) Trust, Markets and Accountability in Higher Education: A Comparative Perspective. *Higher Education Policy*, vol. 9, no 4, pp. 309–324.

Wouters P. (1999) *Citation Culture*. Amsterdam University. Available at: <http://garfield.library.upenn.edu/wouters/wouters.pdf> (accessed on 1 March 2020).

Wright S., Shore C. (1999) Audit Culture and Anthropology: Neo-Liberalism in British Higher Education. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, vol. 5, no 4, pp. 557–575.

Received: November 5, 2019

Citation: Guba K., Sokolov M., Sokolova N. (2020) Dinamika dissertatsionnoy industrii v Rossii: 2005–2015 gg. Izmenil li novyy instituSIONal'nyy trafaret akademicheskoe povedenie? [The Dynamics of Dissertation Industry in Russia, 2005 –2015. Did New Institutional Templates Change Academic Behavior?], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 3, pp. 13–46, doi: [10.17323/1726-3247-2020-3-13-46](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-13-46) (in Russian).